ЗАМКИ ЛУАРЫ

ОБЪЕКТЫ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ UNESCO

ОТКРОЙ ДЛЯ СЕБЯ ВЕСЬ МИР

Екатерина Александровна Останина

Замки Луары

Серия «ЮНЕСКО. Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6000928
Замки Луары / Автор-сост. Е.А. Останина.: Вече; Москва; 2009
ISBN 978-5-9533-3803-5

Аннотация

Замки Луары – величайшее историческое и культурное достояние не только Франции, но и всего человечества. Возводились они в сравнительно небольшой временной отрезок – в эпоху Ренессанса, то есть в XIV–XVI веках. И сразу становились резиденциями французских королей. Достаточно назвать самые знаменитые из них – Амбуаз, Блуа, Шамбор, Шенонсо, Шинон, – и перед нами предстает чуть ли не вся история средневековой Франции. О самых знаменитых замках Луары и о прославленных событиях, происходивших в их стенах, рассказывает эта книга.

Содержание

Замки Луары – мистическое сердце Франции 5
Что есть у наследника престола? Лош, Мэн и Шинон… 13
Придворный церемониал во времена Карла VII 21
Жемчужина королевских замков – прекрасная Аньес 25
«Источники молодости» Людовика XI 31
Плесси и закат царствования Людовика XI 44
Карл VIII. «Обители Добродетелей» 53
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Екатерина Останина
Замки Луары

© Автор-сост. Останина Е. А., 2009
© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

* * *

Замки Луары – мистическое сердце Франции

Долину Луары обычно награждают многочисленными романтическими эпитетами. Ее называют садом Франции и страной замков. Эта территория представляет собой воплощенный мир искусства, который ярко свидетельствует о развитии французской культуры на протяжении сотен лет. Это сама история, воплощенная в камне, но оттого не становящаяся менее живой.

Ни в одном другом месте Западной Европы не существует такого огромного количества замков, сосредоточенных на относительно небольшой территории. Большинство из них, возведенных с XI по XVIII столетие, до сих пор прекрасно сохранились и так замечательно гармонируют с окружающей их пышной природой, что невольно заставляют вывести формулу идеальной красоты: это исключительная выверенность архитектурных форм, а именно сочетание изящества и простоты, а также абсолютное единение творения человека и пейзажа.

Виноградники на берегах Луары

Здесь все дышит романтикой: и свежий, влажный до остроты, дышащий любовью и морем воздух Атлантики; пышная, насквозь пронизанная солнечным светом зелень вековых деревьев; почти магически приковывающие к себе взгляд старинные стены; суровые и мощные, изящные башенки замков, крытые черепицей; роскошные белые фасады.

Теперь эти старинные донжоны[1], храмы и резиденции, хранящие память об исполненных изящества и красоты временах, считаются достоянием французской нации, поскольку практически каждый из замков, которые можно увидеть по берегам Луары, Эндра, Шера, Вьенна или Мэна, – прежде всего история; и у каждого при этом возникают свои ассоциации, и у каждого перед мысленным взором проходят величественные картины прошлого, будь то

[1] Донжон – главная башня в европейских феодальных замках.

таинственные обряды кельтов, торжественное шествие легионов Юлия Цезаря, устрашающее нашествие гуннов, грандиозный освободительный поход к Орлеану Жанны д'Арк, развлечения и драмы эпохи Возрождения (самой насыщенной эпохи в истории замков Луары, по праву считающейся временем их расцвета) и, наконец, сражения сторонников монархии и республиканцев в период Великой французской революции.

Земли Луары всегда считались сердцем Франции, ее центром, и тому существуют определенные объяснения. Конечно, биение этого сердца в настоящее время ощущается не столь сильно, как в былые времена. Оно словно отдыхает, но каждый человек, попадающий в окружение замков Луары, помимо воли погружается в исторические воспоминания.

Луару можно считать рекой поистине божественной, и эту ее сокровенную суть понимали кельты и галлы, предки современных французов. Название Луары произошло от имени великого кельтского бога Люга. В древности она именовалась Лиг-ара, то есть река Люга. Аналогичное происхождение названия имеет и расположенная поблизости Луары другая река – Алье, или Аль-Лиг-ара.

Бог Люг – один из самых древних на земле, и, видимо, во Франции он незримо царствует до сих пор. Кельты называли его «Люг с длинными руками», то есть он мог практически все: строить, постоянно изобретать что-то новое. Он был волшебником и лекарем, которому под силу исцелить неизлечимо больного и поднять из могилы умершего благодаря своему магическому котлу, вероятно послужившему прообразом Грааля. Котел Люга и был первым на земле Граалем. Этот творец, сын Дианкехта, умел принимать самые разные обличья: музыканта и плотника, воина и кузнеца, игрока в карты и виночерпия. Кстати, в Скандинавии Люг превращается в великого обманщика всех богов Локи, но во Франции он прежде всего символизирует отчаянное сопротивление врагам, посягнувшим на его древнюю землю.

Древняя маска бога Люга

Люга всегда сопровождает птица, как и греческую богиню-воительницу Афину – сова. Это ворон, который в древности назывался так же, как и его хозяин, то есть Люг, или Лу. Исследователь кельтской истории Марсель Моро писал: «Он – создатель и преобразователь. Это он в своем клюве вынес ил из глубины вод на поверхность, и Бог создал для людей землю. Ворон – божество грома, дождя и бури, заставляющее сиять свет и устраивающее жизнь в потустороннем мире. Он научил людей разводить огонь, охотиться, ловить рыбу, он защищает от злых духов». Кроме того, как известно, ворон пожирает мертвечину, но от этого его магическая сущность не меняется.

Этот покровитель Луары уничтожает то, что отжило, и дает жизнь тому, что прекрасно и имеет право на жизнь в полном смысле этого слова. Ворон, по представлению кельтов, переносил души людей в загробный мир, а потому он, как и Люг, Луара, связывает прошлое, настоящее и будущее, представляя их существующими одновременно. Кстати, данной особенностью этих мест пользовались различные прорицатели, столь популярные в эпоху Возрождения, и в частности великий Мишель Нострадамус (1503–1566), нередко лунными ночами поднимавшийся на крыши замка Шамбор.

Кроме Люга, его помощниками и покровителями Луары считаются Тарнос – телец, символ плодородия; Эпона – покровительница лошадей; Белен – бог солнца и волков и Арктос – медведь, центральное созвездие, Полярная звезда, вокруг которого происходит обращение небесного свода.

Как известно, Луара рассекает территорию Франции наподобие кривого ножа. На самом деле это одна из спиралей, расположенных во владениях Люга, и ее происхождение объясняет древняя легенда, связанная с еще одной помощницей Люга – Люзиной, или Мелюзиной. Вероятно, ее имя произошло от французского «мер-Люзина», что означает «мать Люзина», без которой созидательная и оплодотворяющая сила Люга ничего не стоит. Наверное, поэтому во Франции до сих пор так любят Мелюзину, героиню многочисленных народных сказок, легенд и преданий.

В них Мелюзина предстает, подобно Люгу, величайшей строительницей.

По народной легенде, в давние времена благородный граф Раймонден отправился охотиться в роскошные леса Луары и там, около источника Се, что в переводе означает «жажда», встретил прекрасную женщину, оказавшуюся феей, волшебницей Мелюзиной. Он полюбил эту красавицу с первого взгляда, и она тоже ответила ему искренним и глубоким чувством.

Раймонден женился на Мелюзине и привел ее в свой скромный замок, поскольку был беден. Мелюзина дала ему совет испросить у своего сюзерена участок земли, который можно было бы закрыть шкурой оленя. После этого хитроумная Мелюзина разрезала принесенную ей Раймонденом шкуру на узкие полоски и в результате получилась длинная веревка, которая окружила множество земель и владений, всю территорию Луары. А потом Мелюзина начала строительство прекрасного замка. По ее повелению явились тысячи рабочих. Никто не знал, откуда они взялись, но, как говорится в легенде, «делали эти каменщики столько работы и так быстро, что все, кто проходил мимо, были изумлены».

Таким образом, прекрасная Мелюзина положила начало строительству замков на Луаре. Что же касается конца этой романтической истории, то он довольно печален. Дело в том, что по определенным дням красавице Мелюзине приходилось прятать свои ноги, потому что они (в разных вариантах) превращались или в рыбий хвост, или в лапы лебедя, что свидетельствует о том, что фея появилась из воды (быть может, Луары?). И это логично, если предположить, что Люг олицетворяет силы огня и воздуха, а Мелюзина – земли и воды. И тайны земли и воды должны быть скрыты от взгляда непосвященного человека. Вероятно, потому работники Мелюзины и строили так замечательно, что обладали тайными знаниями свойств земли и природы. Когда же Раймонден обманом узнал тайну жены, она покинула его навсегда, забыв о своей любви к нему и бросив детей…

Обнаружение тайны Мелюзины. Художник Гиллебер де Мец

Однако осталась великая река Луара, на берегах которой на протяжении столетий вершились судьбы Франции. Подобно огромному ножу, она рассекает пространство от Центрального плоскогорья, вбирая в себя притоки, к Орлеану. А оттуда устремляется на запад, впадая в Бискайский залив, сливаясь с Атлантическим океаном. Эта река, означающая для Франции то же, что Волга для России или Ганг для Индии, неторопливо несет свои обычно спокойные воды, незримо связывая исторические времена и судьбы людей.

Гюстав Флобер (1821–1880) говорил, что Луара – это «самая французская река». Она проходит через двадцать департаментов. Здесь никогда не было развито судоходство, как, например, на Сене или Роне, и в связи с этим в XIX в. она даже находилась в критическом положении, чему способствовала варварская вырубка столетних лесов и, как ее следствие, резкое обмеление берегов. Несмотря на спокойный характер, Луаре никогда нельзя полностью доверяться. Зимой здесь часты наводнения.

Своеобразие бассейна Луары состоит также в том, что здесь всегда было плохо развито промышленное производство. Как ни парадоксально звучит, это оказалось к лучшему, поскольку промышленные отходы и урбанизация не оказали вредного влияния ни на окружающий пейзаж, ни на сохранившиеся до наших дней исторические памятники – великолепные замки. Часто можно увидеть стены замков, которые выглядят в точности так же, как и много столетий назад. В этом районе, как и прежде, развивается земледелие, выращиваются рожь, овес, пшеница, гречиха и ячмень; поражают своим богатством сады и виноградники. Из долины Луары поставляются лучшие вина, сыры, фрукты, овощи и пирожные.

И вся эта природная роскошь – сады, виноградники, леса, вода – непосредственно связана с замками, на стенах которых так удивительно переливаются отсветы струй, а зеркальные отражения павильонов и зданий в воде и световые рефлексы создают ощущение поистине фантастическое.

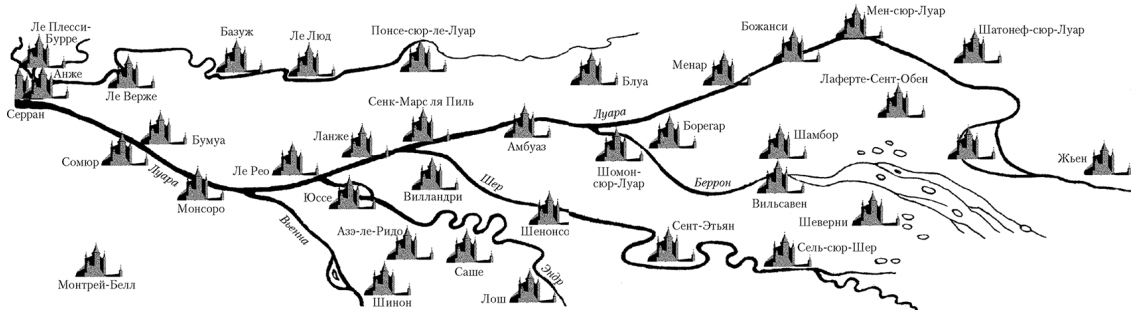


Схема расположения замков в долине Луары

Луара удивительна, поскольку ее берега предстают в окружении пышной зелени как летом, так и зимой. Это невероятно огромное, настоящее зеленое море лесов, справедливо названное Франсуа Рабле (1494–1553) «садом Франции», среди которого возвышаются феодальные замки, воспетые поэтами и в настоящее время объявленные национальным заповедником. Самое удивительное, что эти места узнаются как дежа вю и теми, кто прибыл сюда из России и Германии, из Испании и Италии. Вероятно, подобное явление можно объяснить тем, что привычная спокойная растительность Европы соседствует здесь с южной, пышной и экзотической. Наверное, нигде больше нельзя увидеть, как рядом друг с другом растут пурпурные буки и золотые от солнца сосны, бархатистые магнолии и высокие, как великаны, платаны. По соседству с темной зеленью ели нежно зеленеют липы, а над ручьями склоняются орешник и ольха, горделиво возносятся каштаны. Дубы и тополя, такие могучие, что сами напоминают древние замки, здесь увиты зеленым или фиолетовым плющом, взбирающимся по их стволам, как по каменным стенам.

А как роскошны цветы Луары, словно олицетворяющие саму любовь! Нигде в стране нет таких прекрасных маргариток и роз, так упоительно пахнущего жасмина. Эти цветы настолько популярны, что их специально привозят в Париж. Говорят, что о цветах Луары можно написать не одну поэму.

С высоты птичьего полета пейзаж Луары выглядит уютным, с плавными излучинами реки и невысокими холмами. Если основной цвет для Нормандии – серый, для Средиземноморского побережья Франции – золотой, то для Луары он светло-зеленый, прозрачный. В этом обрамлении замки смотрятся как шедевры величайшей эстетической ценности.

Луара редко бывает драматической. Она скорее располагает к раздумьям и мечтательности. Недаром поэты часто воспринимали Луару как прекрасную женщину, блондинку с голубыми глазами. Она может быть капризной и изменчивой, но все же по-королевски величественной, справедливой и спокойной. Жан де Лафонтен (1621–1695) писал, что Луару можно назвать дочерью Амфитриты[2], а земли вокруг нее – пользующимися расположением богов.

Если же говорить о замках Луары, то их строительство началось приблизительно с 1000 года, когда в сознании людей, живших в ожидании конца света, на этот год назначенного, произошел перелом. Наступила новая эпоха. Благородные сеньоры занялись активным строительством резиденций и храмов. В долине Луары и сейчас можно увидеть древние памятники – огромные и суровые каменные строения и даже деревянные защитные сооружения.

С XI–XII веков началась слава строений Луары, выполненных в романском стиле. Подобные здания и храмы созданы из тесаного камня, с высочайшей профессиональной техникой. Для этих конструкций характерны лаконичность форм и пространства, наполненные

[2] Амфитрита – в греческой мифологии одна из нереид, богиня океана, супруга бога морей Посейдона.

светом, мощные купола и коробовые своды, обилие фресок и рельефных изображений, чему способствовало использование местного известняка, пластичного и легкого. В дальнейшем строители учли, что известняк Луары очень прочен и к тому же легок в обработке, а потому этот строительный материал активно использовался и в дальнейшем, когда романский стиль отошел в прошлое.

Что же касается готики, то в целом она не характерна для замков Луары. Зрелая готика проявила себя здесь главным образом в витражах и орнаментах, изящных и узорных.

Луара – это прежде всего воплощение французского Ренессанса. В те времена долину замков называли французской Тосканой[3], поскольку родиной Возрождения всегда считалась Италия. На этой территории удалось объединить и сделать единым гармоничным целым сложные и не похожие друг на друга художественные направления севера и юга. Так возник в Европе «третий Ренессанс» (как известно, первый был в Италии, а второй – в Нидерландах).

В результате Столетней войны (1337–1453), так долго раздиравшей страну на враждебные лагеря, центр королевской власти сосредоточился в резиденциях на Луаре, тем более что в 1420 году Париж находился под оккупацией англичан, а в центральных областях царили разруха, бесчинства наемников и феодальная анархия. Вероятно, не случайно именно на берегах Луары появилась освободительница французского народа от военного кошмара – Жанна д'Арк (1412–1431). Ей удалось пробудить самосознание нации, итогом которого стало освобождение Франции, ее политическое объединение и рождение абсолютизма.

Страна возрождалась для новой жизни, и ее символом стала новая культура с центром на Луаре. Людовик XI (1423–1483 гг., король с 1461 г.), Карл VIII (1470–1498 гг., король с 1483 г.), Людовик XII (1462–1515 гг., король с 1498 г.), Франциск I (1494–1547 гг., король с 1515 г.) и Екатерина Медичи (1519–1589) покровительствовали возрождению и процветанию новой культуры. Они перестраивали старые замки, чтобы содержать в роскоши бесчисленное количество придворных, а подобная расточительность вызывала желание у благородных сеньоров подражать своим господам. В результате на Луаре появлялось все больше великолепных дворцов и резиденций.

С 1494 по 1559 год французские короли не раз предпринимали походы на Италию. Это не приносило ни политического успеха, ни экономической выгоды, однако итальянская культура стремительно проникала во Францию, тем более что она как нельзя лучше подходила к требовавшему обновления стилю жизни. Культура Италии дала мощный толчок развитию французского изящного искусства. Французские монархи приглашали для строительства своих резиденций на Луаре лучших итальянских архитекторов и скульпторов, художников и ремесленников, мастеров садового искусства. Особенно эта черта была характерна для времени правления Франциска I, который не только много строил, но и приглашал из Италии таких светил Возрождения, как Леонардо да Винчи (1452–1519), Франческо Приматиччо (1504–1570) и Бенвенуто Челлини (1500–1571). Искусство стало одновременно изящным и полным жизни, а благодаря ему менялись и дворцовый этикет, и стиль жизни французского дворянства вообще, делаясь возвышенным, элегантным, прекрасным.

Искусство в замках Луары в XV–XVI столетиях больше связано с языческой традицией, хотя, если принимать в расчет мистическое прошлое этих пространств, данное положение представляется естественным. Здесь над людьми не довлели так тяжко, как в остальной части Европы, религиозные доктрины, на которых была основана вся средневековая

[3] Тоскана – исторические земли в Центральной Италии, на побережье Тирренского моря; главный город – Флоренция, другие знаменитые города – Ареццо, Пиза, Ливорно, Лукка, Сиена; место происхождения итальянского Ренессанса, родина Данте Алигьери, Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэля.

культура. В замках Луары работали многие видные деятели искусства французского Возрождения – поэты «Плеяды» во главе с Пьером де Ронсаром (1524–1585), Рабле, мастера живописи Жан Клуэ (1485–1541) и Жан Фуке (ок. 1420 – между 1477 и 1481), скульптор Жан Гужон (1510–1572).

В долине Луары, как в колыбели всего действительно нового, сложился французский литературный язык в том виде, в каком он используется до настоящего времени. В замках увлекались не только литературой, но и философией и теологией. Последнее было особенно характерно для кружка принцессы Маргариты Наваррской (1492–1549). Рафинированность языка, который использовался при дворе, располагавшемся в замках Луары, в конечном итоге привела к появлению знаменитой на весь мир французской утонченности и неподражаемой элегантности.

В период Возрождения на Луаре появились сотни замков, резиденций и дворцов. В стиле этих строений чувствуется влияние итальянской северной архитектуры, хотя французские строители все же по большей части умело приспосабливали новые веяния под традиционный для Франции стиль. Во всяком случае, вертикальное членение фасадов делается ими очень умеренно. Характерны для внешнего облика замков узкие окна, лестницы в каменных футлярах башен и высокие кровли. Можно назвать подобное явление своеобразным равновесием чувства и разума, одновременно высокохудожественным и исполненным неотразимого обаяния. Данная строгость декора, присущая французским замкам, сохранилась вплоть до XVIII столетия. Именно поэтому замки Луары представляют собой художественное единство.

Итак, самые знаменитые замки Луары были возведены в эпоху Ренессанса. Подробно рассказать о каждом из них невозможно, ибо каждый замок достоин отдельной книги, поэтому в данном издании упомянуты лишь самые значительные и характерные для Франции. На Луаре замков настолько много, что даже путеводители для туристов, даже работы искусствоведов, не могут охватить их все сразу. Причем некоторые подобные шедевры знают исключительно специалисты по истории французской архитектуры.

Ежегодно на берега Луары прибывают сотни тысяч туристов, что можно объяснить неутихающим интересом людей всего мира к историческому и культурному наследию Франции.

Большая часть земель на Луаре в настоящее время является собственностью республики, и расположенные на них замки доступны для широкой публики. Традиционно здесь устраиваются представления под названием «Звук и свет», и каждый может вечером полюбоваться, как огни иллюминаций словно возвращают прошлое, заставляя его оживать снова и снова.

Теперь Французское государство прикладывает много усилий для реставрации замков Луары, тем более что многие из них серьезно пострадали или были вовсе разрушены во времена Французской революции, а позже – в годы Второй мировой войны. К сожалению, многое из культурного наследия навсегда утеряно, но то, что удалось спасти, пребывает неизменным до сих пор.

Что есть у наследника престола? Лош, Мэн и Шинон…

В эпоху Возрождения в долине Луары возник королевский дом, очень напоминавший типичные для эпохи Возрождения дома сеньоров и нотаблей. Луара превратилась в центр Французского королевства в результате изгнания в 1413 году из Парижа короля Карла VII (1403–1461 гг., провозглашен королем в 1422 г., коронован в 1429 г.), где сторонники бургундцев – живодеры, или кабошьены – подняли восстание против законного монарха. Несчастному Карлу VII пришлось искать спасения во владениях своей тещи, Иоланды Арагонской (1380–1443). Память о странствованиях короля до сих пор сохранилась в известной детской французской песенке:

Мой друг, что есть
У наследника престола?
Орлеан, Божанси,
Нотр-Дам-де-Клери
И Вандом,
И Вандом…

Итак, пришлось Карлу воспользоваться своими замками, расположенными на Луаре. Эти вотчины перешли к нему в наследство от дяди, герцога Жана Беррийского (1340–1416).

Особенной любовью изгнанного из столицы короля пользовался замок Мэн, или, точнее, Мэюн-сюр-Йевр, строительство которого было завершено в 1430 г. Большинство наших современников знает это сооружение по миниатюрам, с изяществом исполненным в «Роскошном часослове герцога Беррийского».

Замок Мэн-сюр-Йевр. Миниатюра из «Роскошного часослова герцога Беррийского»

Мэн изящен, словно гнездо ласточки: он так же лепится к вершине скалы, у подножия которой сливаются реки Йевр и Онен. На первый взгляд кажется, что Мэн должен обладать функциями надежной крепости, однако, попадая внутрь, понимаешь, что это не так. Скорее это жилище можно назвать настоящим райским садом в миниатюре, где все предназначено для удовольствий и приятного времяпровождения.

К замку ведет дозорный путь, над которым высятся башни. Внутри них находятся шестиугольные просторные залы, всегда залитые солнечным светом, который свободно проникает в здание из высоких готических окон. Особенным местом замка Мэн являлась библиотека, где во времена царствования Карла VII хранилось множество ценных изданий. Монарх очень любил проводить здесь время, причем часто в компании друзей, а то и одной из многочисленных любовниц. Правда, Карл никогда не обделял вниманием и собственную супругу, холодную и бесстрастную Марию Анжуйскую (1404–1463), в результате чего на свет появились дети. Здесь, в Мэне, король решал, как ему завоевать собственную страну, на большей части которой хозяйничали либо бургундцы, либо англичане. Королевские фавориты и группировки самого разнообразного толка вели вокруг Карла VII настоящую борьбу, а монарх все никак не мог решить, к чьему совету прислушаться, поскольку этот человек всегда являлся рабом собственных страстей и желаний.

Если Мэн был обителью удовольствий по своей сути, то в Шиноне Карл VII обычно занимался государственными делами. Только в течение 1428 г. он дважды собирал там Генеральные штаты и Штаты Северной Франции.

Шинон был возведен анжуйскими графами и английскими королями. Мощные укрепления расположились на площади, по форме напоминающей огромный четырехугольник со сторонами 400 и 70 м, на самой вершине неприступной скалы. Посреди этого пространства были возведены три замка, между которыми тянулись глубокие рвы, – это форт Сен-Жорж, форт Кудре и Срединная крепость. Шинон был надежно защищен от нападений врагов отлогими рвами, подъемными мостами и башнями с бойницами.

Шинон был прекрасно приспособлен как для отражения нападения, так и для длительной осады, поскольку имел все необходимое для этого – два глубоких колодца с водой и каменоломни. При этом колодец, находившийся в форте Кудре, имел сложную систему подземных коммуникаций, которые вели из него непосредственно в город.

Замок Шинон

Тем не менее Шинон, как и прочие замки Луары, отличался своеобразной элегантностью. Так, Срединную крепость очень украшает Часовая башня, названная так из-за великолепных часов, сконструированных еще в 1399 году, по сей день работающих очень исправно и регулярно отзванивающих время. Из Часовой башни коридор ведет в покои, обустроенные по приказанию Карла VII. Эти королевские апартаменты занимают в общей сложности 70 м, а само крыло со стороны кажется нависающим над городом.

Во времена Карла VII на первом этаже Шинона располагались комнаты для слуг, арсенал, кухня и винный погреб. Весь второй этаж занимала спальня короля, каменный пол которой был устлан дорогими коврами. Из спальни король мог пройти в соседний с ней кабинет или в маленький зал. Здесь же, поблизости, находилась комната гувернера дофина. С тех пор до настоящего времени сохранились четыре широкие каменные лестницы, со вкусом украшенные камины и окна с каменными переплетами в виде крестов. Таким образом, можно сказать, что Карл VII жил относительно скромно и практично.

Здесь же, на втором этаже, король устраивал ассамблеи. Эти мероприятия проходили в огромном зале длиной 27 м, с тремя огромными окнами, откуда открывался роскошный вид на сад и откуда можно было также видеть весь город. В зал король проходил из своих покоев по внешней галерее.

В этом зале 8 марта 1429 года произошла историческая встреча Карла VII и Жанны д'Арк. Девушку провели в помещение, освещаемое полусотней факелов, и она увидела множество знатных дворян, рыцарей и сеньоров, слуг и царедворцев, между которыми, ничем не выделяясь, скромно стоял и сам король. Жанна была одета в мужской костюм оруженосца. По свидетельству летописца, на ней был черный пурпуэн – короткая, облегающая доспехи одежда, стеганая на вате; короткий серый роб – верхняя одежда с распашной юбкой; облегающие ноги шоссы – узкие штаны-чулки, прикреплявшиеся к поясу плечевой одежды, и черный шаперон – капюшон с длинным хвостом, который для удобства обычно закидывали через плечо. Жанна сразу узнала Карла VII в толпе придворных, подошла к нему и попри-

ветствовала, после чего рассказала, что Бог уготовил ей особую миссию, поведала о ниспосланных ей ангелами откровениях: о том, что англичане должны быть изгнаны из Франции, а король будет короноваться в Реймсе. Карл VII поверил Жанне и поселил ее в центральной башне форта Кудре[4].

В этом зале произошла встреча Карла VII и Жанны д'Арк

Здесь Жанна вела с королем долгие беседы. По свидетельствам современников, она много и усердно молилась, неоднократно посещала святые места. Молилась Жанна в часовне, расположенной у главного входа форта Сен-Жорж. Эта часовня с криптой, большая, размерами напоминавшая самую настоящую церковь, была выстроена по приказу короля Генриха II Плантагенета (1133–1189 гг., первый король Англии из династии Плантагенетов с 1154 г.). В то же время король молился в часовне Сен-Мелен, у Срединной крепости.

В этой башне Жанна провела около месяца, пока ее не обследовали теологи. В форте Кудре Жанна снова услышала голоса небесных посланников – архангела Михаила и святых Екатерины и Маргариты. Отсюда она только один раз совершила поездку в Пуатье, после чего отправилась осуществлять свою великую историческую миссию – победоносный поход на Орлеан, а потом – на Реймс.

[4] В 1306 г. в Кудре по приказу короля Филиппа Красивого был заточен магистр тамплиеров Жак де Моле.

Замок Лош

Подобно Шинону, замок Лош также был замечательно оборудован на случай непредвиденного нападения противника. На крутом склоне, посреди бурного течения Эндра располагалась мощная система укреплений. Центром Лоша являлся донжон в романском стиле, возведенный по велению графов Анжуйских. Этот донжон представлял собой своеобразный замок в замке. Его огромный прямоугольник казался настоящим великаном на фоне трех стройных башен в южной оконечности Лоша. В XV столетии оборонительная система замка Лош была улучшена благодаря строительству форта Мартеле. Кроме того, на территории замка возвели еще один донжон – Новую башню. Благодаря Новой башне, находящейся ниже уровня города, в точке, где соприкасались все различные пояса замковых укреплений, защитники крепости могли больше не опасаться вражеских пуль, независимо от того, в каком месте относительно замка располагался противник.

На территорию Лоша попадали через западные ворота, укрепленные и мощные. Тем удивительнее было видеть очень уютный внутренний дворик замка, идеально приспособленное место для отдыха и развлечений. Перед внутренним двориком находилось оборонительное сооружение Сент-Урс, а уже за ним простирались покои короля, рядом с которыми располагалась церковь, выстроенная в XII веке. Сначала она называлась Нотр-Дам, а позже – Сент-Урс.

Башня Прекрасной Аньес

Внутреннее убранство королевских покоев поражало своей роскошью и изысканностью. Чувствовалось, что владелец этого места превыше всего ценит любовные удовольствия, и это правда: именно здесь, в Лоше, прошли самые упоительные годы короля, которые он провел вместе с возлюбленной – Аньес Сорель (1422–1450). И поныне круглая башня, обращенная к городу, носит название «Башня Прекрасной Аньес». Это сооружение отличает настоящая изысканность вкуса и сдержанный аристократизм. Очень изящно украшение башни – консоль с изображением встречи двух влюбленных после долгой разлуки. В этой

башне можно увидеть надгробие фаворитки Карла VII, которое в 1809 году перенесли сюда из коллегиальной церкви.

К Башне Прекрасной Аньес примыкает здание с четырьмя башенками. На островерхом фронтоне здания изображена сцена из героического средневекового романа – сражение рыцаря со львом. Весь ансамбль очень гармоничен: здесь самый пристрастный взгляд не обнаружит ничего лишнего, поскольку внешний облик строения красноречиво свидетельствует о сдержанности, скромности и прекрасном вкусе.

Позднее к этому зданию было пристроено еще одно, с более низкими потолками и просторными залами, а во время правления Анны Бретонской королева распорядилась устроить здесь молельню, ставшую истинным произведением ренессансного зодчества. В настоящее время здесь можно полюбоваться изящным гербом Анны Бретонской – горностай в центре витого шнура.

По сути, Лош был идеальным местом для развлечения и отдыха коронованных особ. Здесь сама природа радует глаз и создает романтичное настроение – огромные тенистые леса и занимающие большие пространства цветущие луга в долине реки Эндр.

Придворный церемониал во времена Карла VII

Король Карл VII жил в своих замках на Луаре вместе с относительно небольшим штатом приближенных, который ограничивался советниками, клириками и, разумеется, прекрасными дамами. Король привык рано подниматься утром. Церемониал требовал ежедневно выслушивать по три мессы. Карл обязательно исповедовался и молился. После этого он отправлялся на прогулку по окрестностям на лучшем рысаке из своей конюшни, а уже затем, вернувшись в королевские покои, начинал давать аудиенции.

Портрет Карла VII, короля Франции. Художник Ж. Фуке

Мария Анжуйская

Наши современники привыкли представлять Карла VII по известному портрету Жана Фуке. Художник показал монарха облаченным в костюм, специально предназначенный для церемоний официального характера. Король облачен в длинный роб, отороченный мехом, но просторная одежда только подчеркивает его невероятную худобу. На голове Карла – фетровая шляпа с загнутыми полями, украшенная орнаментом в виде зигзагов.

Однако это парадное облачение. В повседневной жизни Карл носил короткую тунику, по моде того времени перетянутую в талии, и шоссы, которые никак не могли украсить его тощие ноги.

Обедать Карл предпочитал в одиночестве. Для него стол накрывался специально. Изредка он просил, чтобы во время трапезы ему читали Священное Писание. Развлекался король стрельбой из арбалета, иногда играл в шахматы, но основным его пристрастием всегда являлась охота, поэтому при каждом замке обязательно содержались соколиный двор и свора собак.

Мария Анжуйская, как и ее супруг, тоже выслушивала по три мессы в день, после чего занималась вышиванием в компании придворных дам. Она любила прогулки и могла присоединиться к Карлу в его охотничьих забавах. Основную часть своего времени королева отдавала детям. К сожалению, большинство ее детей скончались в раннем возрасте, а потому Мария Анжуйская никогда не расставалась с черным траурным одеянием. Она уже привыкла постоянно быть беременной, но, несмотря на это, сопровождала своего мужа практически везде. Когда Карл решал сменить одну из своих резиденций на другую, жена следовала за ним в крайне неудобных повозках.

Церемониал соблюдался королевским двором неукоснительно, в мельчайших подробностях. Например, во время обеда кушанья для короля и королевы были накрыты салфетками, тогда как герцоги получали свои тарелки открытыми. После обеда жена дофина (наследника престола) омывала руки в двух чашах (тогда как герцогине подносили только одну чашу), при этом ей помогал стольник, до этого занимавшийся разделкой мяса: он поливал ей на руки воду из кувшина, после чего подавал полотенце. Когда трапеза заканчивалась, этикет предписывал герцогине встать на колени перед супругой дофина.

Такой же строгий церемониал сопровождал и появление на свет королевских детей. Специально для этого события в замке готовили комнату с двумя кроватями, а перед камином устанавливали кушетку. Балдахин на кровати непременно изготавливался из зеленого дамаста и шелковой ткани, украшенной узорами. К балдахину прикреплялись атласные занавеси, которые надежно защищали от сквозняков. На пол клали ковер с большим ворсом. Кровати и кушетка застилались покрывалами из тонкого полотна, а поверх них клали горностаевые покрывала с фиолетовой подкладкой.

Рядом с этой комнатой размещалась буфетная с огромным количеством хрустальной посуды, причем каждый предмет обязательно инкрустировался золотом и украшался драгоценными камнями. Для гостей здесь держали вазочки со сладостями и кувшины с вином, в которое в то время было принято добавлять корицу. Две недели комнату освещали не иначе как восковыми свечами и факелами.

Далее располагалась детская комната, обставленная практически таким же образом, как и комната матери, с одной разницей: около камина вместо кушетки ставили колыбельку. Еще одна комната предназначалась для проведения официальных приемов. В ней находились кровать и кресло с высокой спинкой, обтянутое бархатом и отделанное золотой парчой.

Едва младенец рождался, как немедленно в городе начинали звонить все церковные колокола, а население зажигало праздничные костры. Крестили младенца в главной церкви перед алтарем, а стены храма предварительно украшались дорогими коврами.

Траурная церемония также отличалась жесткими правилами. Траурным цветом королевы со времен Анны Бретонской считался черный, короля – красный; соответственно, в одежде монархов преобладали именно эти цвета. При этом, если королева становилась вдовой, то она лишалась права покидать свои покои в течение года. Гостей принимать она могла, но только лежа в постели. Менее жесткие правила сковывали герцогинь и прочих дам более низкого происхождения: они оставались в своих комнатах в положении затворниц всего лишь полтора месяца.

Помимо придворных в замках находилось множество прислуги, контроль над которой осуществляли виночерпии, хлебодары, стольники, служащие, лакеи. Этим людям обычно помогали молодые дворяне в возрасте от 7 до 14 лет – пажи.

Что касается одежды, то на нее также распространялись строжайшие правила этикета. Так, графы не имели права носить горностаевый мех с хвостиками, использовать мех черных генетт[5] и облачаться в парчовые робы. Они носили только одежды из шелка, бархата и дамаста. Ливреи лакеев при дворах графов не могли быть отделаны золотыми цветами или вензелями.

[5] Генетта – мелкое хищное животное, по повадкам напоминающее хорька. В Средние века ее пытались одомашнить, но очень быстро генетту вытеснили кошки.

Жемчужина королевских замков – прекрасная Аньес

Истинной королевой владений монарха на Луаре с 1444 года являлась Аньес Сорель, фаворитка Карла VII. Во всяком случае, ее образ жизни можно было назвать по-настоящему королевским. Ни у одной дамы Франции не было столько драгоценностей, как у прекрасной Аньес. Ее наряды затмевали платья самой королевы, и ни одна дама не имела права носить шлейф такой же длины, как у Аньес.

Специально для нее королевский казначей поставлял с Востока мех куниц и редкие шелка, а из Египта – исключительной красоты золототканые покрывала. Впрочем, Аньес считала, что не платья ее украшают, а она сама является настоящим сокровищем, обрамлением для которого служит все это великолепие, которое складывал к ее ногам влюбленный король. Аньес ввела моду появляться при дворе с обнаженными плечами и грудью. В результате большинство придворных дам стремились подражать Аньес, и расточительство сделалось отличительной приметой двора Карла VII.

Подобная погоня за модой справедливо вызывала гнев архиепископа Жана Жуневеля дез Юрсена (ок. 1360–1431). Этот владыка церкви много раз взывал к королю, указывая на расточительность и непростительное мотовство придворных, и даже утверждал, что стремление переплюнуть друг друга в одежде можно простить мещанкам, но никак не дамам благородного происхождения. К тому же, резонно утверждал архиепископ, все эти траты сказываются на увеличении сеньорами податей и налогов с бедняков, и все это только для того, чтобы удовлетворить прихоти модниц.

Аньес Сорель с младенцем. Художник Ж. Фуке

Дез Юрсен читал проповеди о том, что женщин украшает исключительно скромность. А все эти замысловатые прически и шлейфы невероятной длины отчего-то напоминали благочестивому епископу выставленных для продажи ослиц, о чем он неоднократно и говорил, надеясь, что хотя бы грубость в данном случае возымеет действие. Но ничуть не бывало. Дамы продолжали одеваться по моде и по-прежнему выставляли напоказ грудь, что приводило их кавалеров в состояние восторга, если говорить мягко.

Тем не менее Аньес заботилась и о душе. Красавица раздавала миллионы на подаяние нищим, много денег жертвовала церквям, и все же это не искупало ее вины в глазах общества хотя бы потому, что она являлась любовницей короля. К тому же, говорили недоброжелатели, из-за Аньес король настолько потерял всякий стыд и понятие о долге, что начисто забыл о законной супруге – в очередной раз беременной королеве, а все свое свободное время отдавал рыцарским турнирам. Естественно, кавалер хотел блистать, чтобы поразить своей силой несравненную возлюбленную.

В то время как королева жила в полном уединении то в замке Шинон, то в Монти, король в начале лета 1446 года удалился в усадьбу Разийи и, объединившись с Рене Анжуй-

ским (1408–1480), организовал роскошный рыцарский турнир под романтическим названием «Империя пасти дракона». В Разийи облюбовали долину, где можно было установить небольшую преграду, и через эту преграду могла пройти только одна дама в сопровождении своего храброго рыцаря. Едва влюбленные проходили преграду, как перед рыцарем оказывался грозный соперник, с которым следовало немедленно сразиться. Далее следовал традиционный рыцарский поединок на копьях.

Для этой забавы Карл и Рене выбрали себе черные доспехи и велели положить на своих коней черные попоны. Именно король и его шурин Рене и являлись главными судьями на всех рыцарских поединках. Все это делалось лишь для того, чтобы вызвать улыбку на прекрасном лице Аньес.

Знать развлекалась подобным образом в течение 8 месяцев, и вряд ли король хоть раз вспомнил, что в Шиноне его жена в полнейшем одиночестве ждет рождения ребенка. Тем не менее, когда ребенок родился (а это счастливое событие произошло в декабре 1446 г.), король, по обыкновению, поздравил супругу: прислал ей новое платье для благодарственного молебна по случаю рождения сына и 3000 ливров.

А при дворе блистала и играла роль настоящей королевы, причем не только в личной жизни Карла VII, но и в политической жизни, Аньес Сорель. Своих друзей фаворитка назначала на самые высокие посты. Так, например, Этьен Шевалье (1410–1474), королевский секретарь, по просьбе Аньес стал секретарем финансов. Благодаря Шевалье художник Жан Фуке получил заказ на часослов, который в наши дни можно увидеть в Шантийи. Фуке изобразил в своей книге многих придворных дам и, конечно, Аньес. Красавица стала моделью для написания образа Мадонны с младенцем, которая сейчас находится в антверпенском музее. Аньес Сорель показана в своем привычном виде – с обнаженной грудью, в изящном сюрко, подобающем по рангу лишь принцессе. На ее плечах – королевская горностаевая мантия, белоснежная, с темными хвостиками, а на голове – жемчужное украшение.

Волхвы, приносящие дары. Художник Ж. Фуке. Лик мадонны писан с Аньес Сорель, коленопреклоненный волхв – Этьен Шевалье

Историки считают, что пик величия прекрасной Аньес пришелся на время ее пребывания в замке Лош. Воцарение фаворитки в королевском замке очень не понравилось сыну Карла VII Людовику (1423–1483 гг., король Франции с 1461 г. под именем Людовик XI), и его можно понять: он был всерьез обижен за свою мать. Но король не пожелал внять доводам

разума и предпочел отправить строптивого сына в изгнание и добавил ему вслед несколько весьма оскорбительных для дворянского слуха выражений.

Однако вскоре, как и всякой земной радости, владычеству Аньес Сорель пришел конец. Едва король позаботился о том, чтобы у фаворитки имелся еще и свой особый замок, едва он успел назначить ей в услужение двух камердинеров, как молодая женщина умерла в результате преждевременных родов, и даже ее возлюбленный король в тот момент не мог находиться рядом с ней, поскольку вынужден был вести военные действия в Нормандии.

В обществе ходили упорные слухи, что Аньес была отравлена, и, вероятно, для этого имелись определенные основания. Задуматься об этом факте можно было уже хотя бы потому, что до этого случая Аньес уже успела родить королю, и вполне благополучно, троих дочерей. Девочки получили образование и воспитание при дворе. Людовик XI, их сводный брат, позаботился о сестрах, выдав их замуж за богатых придворных.

Прекрасная королевская фаворитка Аньес Сорель была похоронена с почестями, подобающими только царственным особам. Так, сердце и прочие внутренние органы ее погребли в капелле Нотр-Дам в Жюмьеже. На этом месте было установлено роскошное надгробие из черного мрамора. Сама же скульптура, изображающая молящуюся Аньес, в ладонях которой покоится ее собственное сердце, выполнена из белого мрамора.

Позже останки Аньес Сорель были перенесены в замок Лош, в коллегиальную церковь Нотр-Дам. Они покоилось среди хоров в саркофаге из черного мрамора. На надгробной плите искусно изображена королевская фаворитка в своем знаменитом наряде – отороченном мехом сюрко принцессы. Около нее парят ангелы, а у ног лежат два агнца (вероятно, изображением агнцев скульптор намекал на имя прекрасной дамы – Аньес).

Надгробие Аньес Сорель

В период Великой французской революции, а именно в 1794 году, могила Сорель была варварски осквернена и практически полностью разрушена. Впоследствии реставраторы немало потрудились над восстановлением надгробия Аньес Сорель – одного из изумитель-

нейших памятников ренессансного искусства. Теперь это мраморное надгробие находится в башне бывших королевских покоев.

Когда Аньес умерла, Карл VII продолжал жить в Лоше, не забывая, однако, и прочих своих замков на Луаре – Шинон, Мэн-сюр-Йевр, Амбуаз. Он еще много сил потратил на то, чтобы как следует укрепить Амбуаз, хотя время междоусобиц во Франции уходило в прошлое, и на первый план выступили совсем иные потребности, а точнее, неистребимое желание комфорта и удовольствий.

«Источники молодости» Людовика XI

Людовик XI, сын Карла VII, родился в Лоше. Здесь он провел свои детские годы. Когда он был ребенком, ему довелось увидеть освободительницу Орлеана Жанну д'Арк, которая в то время находилась в самом зените своей славы. Он на всю жизнь запомнил эту необыкновенную женщину, которой на его глазах удалось совершить чудо – сделать из безвольного и апатичного человека, которым по сути своей являлся Карл VII, настоящего воина, сумевшего собрать воедино силы страны и, наконец, окончательно изгнать врагов с территории Франции.

В Лоше проходило обучение шестилетнего дофина. Для него была разработана специальная программа, над которой работал ректор Парижского университета Жан Жерсон (1363–1429). Будущий король изучал риторику и грамматику, историю, как светскую, так и религиозную, живопись и музыку, математику. Большое внимание уделялось и физической подготовке наследника престола. Если первая половина дня дофина была заполнена естественными науками, то вторая отводилась для занятий по стрельбе из лука, обучению обращаться с мечом и копьем.

Амбуаз

В одиннадцать лет дофин вместе с родителями переехал в Амбуаз, который незадолго до этого заново обустроил Карл VII. Местность, где и поныне располагается Амбуаз, практически неотличима от той, где находится Лош соответственно, и сам замок был устроен на мысе над обрывом, в месте, где крохотная река Аммас сливалась с Луарой. Именно здесь еще в эпоху владычества римлян в Галлии уже строилась крепость, которая позже стала вотчиной графов Анжуйских.

Оборонительные сооружения Амбуаза вначале были выстроены из дерева, а над ними возвышался каменный донжон. Здесь же находилась церковь со святыми мощами одного из отцов церкви – Флорентина. Амбуазом долгое время владела семья Сюльписа Амбуазского. Этот замок был навсегда утрачен семьей из-за последнего потомка старшей ветви, виконта Туарского, Людовика. Он вошел в круг заговорщиков, недовольных возрастающим влиянием при дворе фаворита Карла VII – Жоржа де ла Тремуйля (1385–1445). Заговор был раскрыт, а все причастные к нему первоначально были приговорены к смертной казни. Правда, сердце короля вскоре смягчилось, и он решил ограничиться всего лишь конфискацией имущества бунтовщиков. Так Амбуаз стал частью королевского домена.

Король остался доволен новым приобретением – хорошо укрепленным замком, расположенным совсем недалеко от Парижа. Он лично следил за переустройством древней крепости: позаботился о том, чтобы стены как следует были укреплены. Кроме того, ансамбль замка украсился Часовой башней над закрытым переходом в виде галереи.

Перед тем как прибыть в Амбуаз, король посетил соседний с ним город Тур, где население восторженно его приветствовало, тем более что в замке Тура в 1436 году состоялось счастливое событие в королевской семье – венчание дофина с дочерью английского короля Якова I, Маргаритой Шотландской (1425–1445). В то время жениху только что исполнилось тринадцать лет, а невесте и того меньше – всего одиннадцать лет.

Маргарита Шотландская

В замковой часовне Людовик красовался в бархатной мантии, расшитой золотом. Маргарита также блистала юной красотой в своей мантии принцессы и с короной на голове.

После венчания муж поцеловал жену, и они расстались – до достижения обоими совершеннолетия.

Маргарита стала жить в окружении королевы, своей свекрови. Практически все свободное время придворные дамы занимались тем, что сочиняли стихи. Принцессе стихосложение давалось довольно сложно, поскольку ее французский оставлял желать лучшего, зато ее многому обучили придворные поэты, коих в те времена при королевском дворе было весьма много.

Если жизнь молодой принцессы являлась по своей сути затворнической, то ее муж активно участвовал в кампании по освобождению страны от англичан, а также от последних приверженцев живодеров.

Маргарита вообразила, что для того, чтобы понравиться мужу, нужно выглядеть подобно героиням любовных романов, которые она слушала с утра до ночи. В связи с этим она изнуряла себя жестоким постом: питалась исключительно зелеными яблоками, пила уксус и едва ли не до обморока затягивала свои корсеты, чтобы выглядеть такой же стройной, как и ее образцы для подражания. Подобное поведение постоянно вызывало беспокойство королевских родственников, и это неудивительно. Такое изнурение собственного организма в юном возрасте ставило под сомнение способность принцессы родить ребенка.

Опасения оказались далеко не беспочвенными: Маргарита умерла в начале августа 1445 года от воспаления легких. Видимо, для ее нежного и ослабленного организма оказалось достаточно легкой простуды, чтобы она перешла в смертельное заболевание. Тем не менее, как обычно, появились слухи самого разного рода. Например, многие утверждали, что Маргарита не старалась хранить верность своему вечно отсутствующему супругу. Во всяком случае, всегда находились «доброжелатели», готовые донести дофину правду о похождениях юной принцессы, которую однажды будто бы заметили ночью прогуливающейся с влюбленным в нее трубадуром, декламировавшим ей стихи о любви и прекрасных дамах прошлого.

Ситуация выглядела романтической, но, естественно, не вызывала у дофина подобного настроения. Кажется, он сильно страдал; к тому же ему постоянно приходилось сражаться с интриганами, которых всегда при дворе было предостаточно. Кроме того, в это время Людовик безуспешно боролся против фаворитки своего отца Аньес Сорель, что, как говорилось выше, закончилось его изгнанием из Франции.

Герцог Бургундский Филипп III Добрый

Некоторое время дофину пришлось жить у приютившего его дяди, герцога Филиппа III Бургундского (по прозванию Добрый) (1396–1467 гг., герцог Бургундский с 1419 г.), в Брюсселе. Там в 1457 году он женился во второй раз, на Шарлотте Савойской (1440–1483). Пять лет провел дофин на благодатных землях Бургундии, где было много дичи, и это обстоятельство располагало к самому распространенному в то время развлечению – соколиной и псовой охоте. Заодно на охоте дофин мог узнать из уст простолюдинов свежие новости из Франции. Некоторые из осведомителей позже стали его ближайшими советниками. Именно так,

например, произошло с цирюльником Оливье ле Денном (?–1484). Что же касается долгих зимних ночей, то их коротали за чтением различных развлекательных историй, к каковым относились, в частности, «Сто новых новелл», созданных при дворе герцога Филиппа Бургундского.

Людовик XI получил возможность вернуться во Францию только после смерти своего отца Карла VII в замке Мэн в 1461 году. Едва была проведена коронация, как король прибыл в Тур, где прошло все его детство. Первым делом он распорядился об организации ткацкой мастерской в городе, в результате чего центром по производству золотых тканей стал уже не Лион, как это было традиционно, а Тур. А после того как Людовик XI наладил на Луаре судоходство и сделал все возможное для укрепления береговых дамб, значение Тура возросло еще больше.

Амбуаз превратился в настоящий центр борьбы с недовольными, в частности высшей аристократией, организовавшей против него тайную Лигу общего блага. В ответ в Амбуазе был организован орден Святого Михаила, членами его стали верные королю дворяне, которых монарх призвал отстаивать, не щадя жизни, как интересы государства, так и церкви.

А Лош приобрел статус государственной тюрьмы, и в его стенах перебывало множество знаменитых заключенных. Здесь расставили деревянные клетки высотой в человеческий рост. Деревянные прутья сверху были окованы железом. Эти клетки в народе называли «королевские дочурки».

Шарлотта Савойская

Людовик XI не задерживался надолго ни в одном из своих замков, предпочитая Турень. Время от времени он считал своим супружеским долгом навестить Шарлотту Савойскую, скромно проводившую дни в Амбуазе. И в то время как царственный супруг непрерывно изменял ей направо и налево, добродетельная женщина регулярно рожала ему детей.

Наконец муж настолько перестал стесняться, что привез с собой в Амбуаз двух простых девушек весьма легкого поведения и обустроил их комнаты в непосредственной близости с комнатами королевы.

Шарлотта, однако, отличалась истинно олимпийским спокойствием и жила сама по себе, не особенно реагируя на поведение мужа. Она вела вполне привольную жизнь с настоящим королевским размахом. По сообщению современников, у королевы было пятнадцать придворных дам, двенадцать камеристок, сотни камергеров, а также секретарей, капелланов, финансовых поверщиков, медиков, музыкантов, слуг и конюших.

Известна опись одной из замковых комнат королевы, в которой значатся ковры тонкой работы, гардины, кровати с балдахинами, естественно, отделанные драгоценными тканями. Стены королева приказывала обтягивать черной, красной, зеленой, белой саржей. Изысканным украшением служили гобелены «История Трои» и «Источник молодости». Не менее роскошны гобеленовые украшения с растительными мотивами.

Гардероб королевы состоял из невероятного количества платьев из красного, фиолетового и черного атласа, кипрского камлота и миланского бархата, отороченных горностаевым мехом, мехом французской куницы, ломбардских ягнят и соболей. Помимо этого, здесь находились сотни локтей тканей, белье из Голландии и Кутанса.

Из драгоценностей королевы в описях значатся разнообразные бриллианты – «граненые, плоские, голубые и отшлифованные с двух сторон, рубины, бирюза, золотые браслеты, усыпанные заморскими камнями, золотые цепочки, цепочки с эмалями, ожерелья из восточного жемчуга, бриллиантовые цветы лилии, камеи, оправленные в золото».

В описи столовой посуды, предназначенной для приемов гостей, значатся 30 подносов, 10 тазов, 40 тарелок, 10 графинов и столько же чаш для омовения рук и подсвечников, 4 соусницы, 50 ложек, 7 кувшинов, 6 бонбоньерок. Все эти вещи были очень массивные, выполненные из серебряного литья.

Содержание королевы и ее дома обходилось государству в 37 тысяч ливров, 10 из которых поставлял король, а остальные – соляные амбары Труа, Парижа и Бове. Немалый доход приносило и судоходство. Только в 1470 году на питание двора было израсходовано 15 000 ливров, а на одежду и мебель – 5000 ливров. Расходы на кройку и шитье одежды как для королевы, так и для ее придворных дам составляли приблизительно около 2000 ливров. Во время родов королевы для ее кровати изготавливалось специальное покрывало из тафты фиолетового цвета. Чтобы уберечь младенца от дыма, идущего из камина, ставилась ширма.

Особенно велики были расходы на белье – 2800 ливров и на обувь – 175 пар (башмаки на различных подошвах – пробковых, простых и кожаных, суконных, сапоги до колен и ночные туфли).

В сравнении с одеждой и обувью расходы королевы на драгоценности кажутся довольно скромными: в частности, в описи упоминается «златотканое колье, усеянное белыми и красными анютиными глазками, золотая заколка для прикрепления страусиных перьев к шляпе, 18 цветных эмалей на серебре для герба на дверцах экипажа».

На развлечения обычно уходило не более 800 ливров. Эти деньги были потрачены на колоды карт, бумагу, миниатюры, заказанные Жану де Лоне, принадлежности для вышивания.

И при всем этом королеву можно было назвать экономной. Она жила в Амбуазе очень уединенно, любовалась открывающейся перед ней романтической панорамой с вершины холма. Она редко устраивала приемы, и практически все свободное время этой женщины

уходило на воспитание детей. Естественно, что Шарлотта часто скучала, и эту скуку развеивала чтением. Ее библиотека насчитывала более сотни томов, среди которых были книги религиозного содержания – Новый Завет и Псалтырь Людовика Святого, трактат «О граде Божьем» блаженного Августина[6], «Жизнь святого Венсена и других святых», проповеди Жерсона[7], «Утешение философией» Боэция[8]. Немалое место занимали трактаты на моральные темы: «Странствия по человеческой жизни» Гийома де Дегильвилля[9], «Книга царя Александра», «Декамерон» Боккаччо[10], «Разговор четырех дам» Алена Шартье[11], «Город дам» Кристины Пизанской[12], «Роман о Мелюзине» Жана Аррасского[13], «Книга о травах и деревьях», «Чудеса мира».

У Шарлотты родилось четверо детей: две девочки, Анна[14] и Жанна[15], и два мальчика, Карл и Франсуа[16].

Когда родился Карл (1470–1498 гг., вступил на престол в 1483 г. под именем Карл VIII), в Амбуазе было устроено феерическое факельное шествие. Народ шел от церквей Сент-Флорентэн и Сен-Дени до острова на самой середине Луары, где была построена церковь Христа Спасителя.

Принца доверили воспитанию Этьена де Веска[17], Жана Бурре де Плесси[18] и Жана де Дайона[19]. В их обязанности входило регулярно посылать королю бюллетени о состоянии здоровья дофина. Например, сохранился один из подобных бюллетеней: «Государь! Монсеньор дофин, благодарение Богу и Пресвятой Деве Марии, находится в добром здравии, весел и хорошо кушает».

Стоило мальчику хоть немного простудиться, король начинал всерьез тревожиться. Он постоянно предполагал, что причиной этого является недостаточно хороший уход за дофином, и тогда Бурре отсылал монарху новый доклад типа: «Монсеньор дофин хорошо спит, хорошо кушает, отдыхает под беличьими одеялами, забавляется с птицами, но не перевозбуждается». В случае болезни наследника престола рядом с ним постоянно находился врач. Когда дофин выздоравливал настолько, что ему разрешалось прогуляться в окрестностях замка, то он развлекался тем, что бросал маленьких певчих птичек в клетки к соколам. Птицы, предназначенные для охоты, находились в клетках во время линьки, а будущему королю разрешалось кормить их в это время. И надо сказать, Карлу всегда очень нравилось смотреть, как едят соколы.

---

[6] Блаженный Аврелий Августин (354–430) – епископ Гиппонский, великий философ, христианский теолог; святой православной и католической церквей.

[7] Жерсон, Жан Шарлье из Жерсона (1363–1429) – выдающийся французский католический богослов и церковный деятель.

[8] Боэций, Аниций Манлий Торкват Северин (480–524) – римский философ, ученый-энциклопедист, один из основоположников средневековой схоластики.

[9] Гийом де Дегильвилль (ок. 1295–1360) – французский поэт, монах.

[10] Боккаччо, Джованни (1313–1375) – гуманист-философ, великий прозаик, поэт.

[11] Шартье, Ален (ок. 1385 – ок. 1433) известный французский поэт.

[12] Кристина Пизанская (ок. 1364/1365 – 1430) – известная французская поэтесса итальянского происхождения.

[13] Жан Бодель из Арраса (ок. 1165–1209/1210) – считается одним из первых представителей северофранцузской городской поэзии, трувер.

[14] Анна де Боже (1461–1522) – впоследствии жена Пьера II Бурбона.

[15] Жанна (1464–1505) – впоследствии жена короля Людовика XII.

[16] Франсуа (1472–1473).

[17] Этьен де Веск (1445–1501) – дворянин, камердинер и доверенное лицо Людовика XI; оказывал на дофина Карла самое сильное влияние из всего окружения.

[18] Жан Бурре де Плесси (1424–1506) – казначей и доверенное лицо Людовика XI.

[19] Жан II де Дайон (1454–1480) – видный военачальник, доверенное лицо Людовика XI.

Отец дофина, Людовик XI, крайне ревностно относился к кругу общения своего сына. Он не мог даже мысли допустить о случайной встрече дофина с жителями Амбуаза. Чтобы избежать подобных недоразумений, дофин слушал мессы в церкви Сент-Флорантэн, а для жителей пришлось построить новый храм. В Амбуаз был строжайше запрещен въезд даже иностранцам, поскольку Людовик XI опасался, что те вполне способны занести чуму. Вообще, недоверие было одной из главных черт характера Людовика XI. Замок Амбуаз охранялся и днем и ночью. По ночам солдатам приходилось жечь костры в долине перед замком.

Король Людовик XI

В конце жизни король сам дал дофину несколько уроков того, как управлять государством. Напутствие на будущее произошло в торжественной обстановке, в тронном зале Амбуаза, в присутствии всего двора. В заключение король заставил сына поклясться, что тот станет управлять своим королевством, которое по сути и является его «истинным наслед-

ством», только исходя из интересов подданных и государства. Клятва была зафиксирована присутствовавшим здесь же нотариусом.

После того как у Людовика XI случился инсульт, он понял, что конец близок, и решил сам подобрать сыну достойную супругу. Наиболее подходящей партией оказалась Маргарита Австрийская (1480–1530), обещанная дофину в качестве контрибуции при заключении Аррасского мира[20] в конце 1482 года. Вместе с Маргаритой к Франции перешли Бургундское графство и графство Артуа.

Через год после заключения мира принцесса Маргарита прибыла в Лилль вместе со своей кормилицей. Она была совсем еще маленькой девочкой и сидела на коленях у служанки. На ней было черное платьице, расшитое золотом, жемчугами и драгоценными камнями. На ее голове поверх чепчика красовался велюровый ток – шляпа с жестким бортом и слегка загнутыми вверх полями.

В конце июня 1483 года дофин встречал принцессу в Амбуазе. Он выехал навстречу своей суженой верхом на коне в сопровождении самых именитых господ государства. Встреча произошла в местечке под названием «Поместье королевы». По прибытии кортежа невесты Карл удалился в особняк рядом с Амбуазским мостом, чтобы переодеться в длинный, сверкающий золотом роб, – именно такая одежда требовалась для церемонии венчания.

Детей впустили в специально отгороженное для церемонии венчания пространство, где их уже ожидали главный сенешаль Нормандии и нотариус, который, как и полагается, дважды задал вопрос, желают ли дети дать согласие на брак. Услышав ответ «да», он объявил брак заключенным, и в Амбуазе начались праздничные гулянья.

[20] Второй Аррасский мир 1482 г. подвел итог Бургундским войнам (1474–1477) за раздел территорий Бургундского герцогства между Францией и Священной Римской империей. Согласно этому миру Габсбурги получили Нидерланды и Люксембург, а король Франции – собственно Бургундию, Франш-Конте и Пикардию. В условия договора входил обязательный брак между единственной внучкой последнего герцога Бургундского Карла Смелого – Маргаритой Австрийской – и дофином Франции.

Портрет Маргариты Австрийской. Художник Бернард ван Орлей

На площади устроили театральное представление, для чего специально был построен высокий шатер с матерчатой крышей, над которым реяли знамена Франции и Австрии. Маргарита и Карл смотрели спектакль под названием «История Париса и трех богинь» (известная история, описанная Гомером). Декорации менялись при помощи специальных меха-

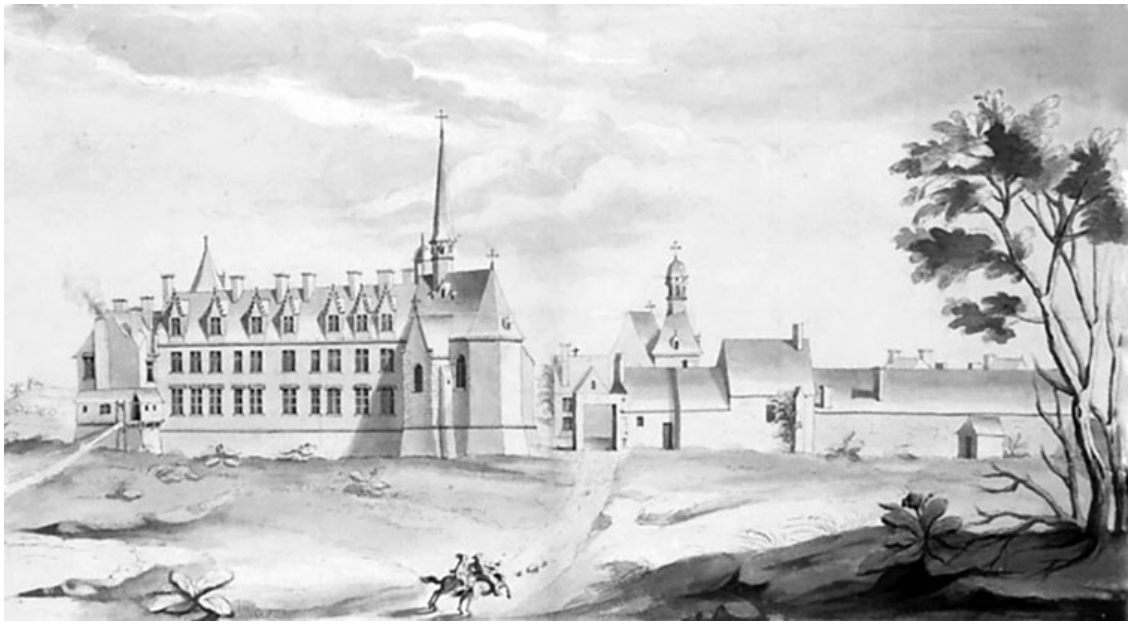
низмов, а действо происходило вокруг расположенного на сцене фонтана, который щедро разбрасывал вокруг актеров брызги вина и воды. Вокруг основных героев плясала массовка в живописных зеленых нарядах.

Что же касается самого Людовика XI, то он отнесся к представлению крайне безучастно: он был тяжело болен, и ему оставалось жить всего два месяца. Так же равнодушно король наблюдал, как украшался его любимый Амбуаз к прибытию маленького дофина с его столь же маленькой женой. Людовик ограничился тем, что оплатил все расходы на торжества, а контроль за исполнением повелений правителя осуществлял его управляющий Жан Буре де Плесси.

В целом на небольшую перестройку Амбуаза в тот раз было затрачено 4000 ливров – отделали «маленький домик», сделали более изящными галереи в донжоне, а рядом с замковой церковью появилась небольшая капелла.

Плесси и закат царствования Людовика XI

В конце жизни Людовик XI заметно охладел к Амбуазу и больше времени проводил в Плесси-дю-Парк (обычно называют Плесси-ле-Тур – Плесси близ города Тура) – уединенном замке, возвышавшемся среди полей домена Ле Монтиль. Это было большое охотничье хозяйство, которое приобрел еще Карл VII, но перестроил его по своему вкусу именно Людовик XI. Король позаботился первым делом, чтобы обнесли неприступной каменной стеной его владения. Приезжающие попадали в замок по подъемному мосту, за которым располагался небольшой квадратный двор. Здесь постоянно дежурили королевские гвардейцы, все – уроженцы Шотландии. Им король доверял безгранично, и шотландцы не только охраняли и сопровождали Людовика XI, но и непременно присутствовали при королевской церемонии трапезы.



Замок Плесси-дю-Парк. Литография XVIII в.

В Плесси существовал еще один подъемный мост внутри замка, перекинутый через крепостной вал, за которым следовал второй двор. Отсюда можно было увидеть крыло, где располагались королевские апартаменты – по три комнаты на первом и втором этажах. Перед фасадом замка тянулась стеклянная галерея. Отсюда Людовик XI часто наблюдал за людьми, входящими в замок и выходящими из него. Рядом с королевскими покоями была устроена молельня, а сразу из нее попадали в роскошный зал для приемов. Стены зала украшали лучшие гобелены из Фландрии, стулья были обиты бархатом. Освещался зал для приемов люстрами и серебряными факелами. Здесь могли быть приняты исключительно послы.

Подвалы замка были заняты кухней, галереями и, конечно, камерами. В отдельном здании, по правую руку, жили советники и придворные Людовика XI. Отдельный флигель занимал зять короля Людовик Орлеанский (будущий король Людовик XII), и это было неспроста. Людовик XI настолько не доверял своему родственнику, что для него было гораздо спокойнее видеть постоянно своего склонного к интригам кузена.

Видимо, болезнь оказала сильное влияние на умственные способности Людовика XI, а потому он сделался предельно подозрительным, опасался за собственную жизнь и предпочитал жить отшельником. В последние месяцы жизни он занимался тем, что активно усо-

вершенствовал оборонительные сооружения Плесси. Шотландцы ежедневно делали обходы лесов, окружающих замок, дабы предупредить нападение возможного неприятеля.

Теперь уже каменные стены Плесси ограждала еще и решетка из железных прутьев, а в стену были вделаны острия. С четырех вышек за окрестностями велось постоянное наблюдение. В каждой из вышек дежурили десять лучников, которых обязали стрелять в любого, кто посреди ночи осмелится приблизиться к замку. И жестокие расправы вблизи Плесси стали действительно не редкостью, поскольку спокойствие короля охраняли люди, способные буквально на все, – Оливье ле Дэн[21] и Тристан Эрмит[22], которые привыкли не тратить много времени на переговоры с попавшимся им человеком и предпочитали разобраться с ним немедленно, а уж потом, в случае необходимости, выяснять, зачем, собственно, он прибыл в окрестности Плесси.

У Людовика XI непомерно развилась мания преследования. Он безумно боялся за свою жизнь при всем том, что ни за что не отказался бы от прогулок на свежем воздухе. Ему нравилось следить за тем, как исполняют обязанности его подчиненные, и горе было тому, кто не сумел бы разумно ответить на каверзные вопросы, которые так любил задавать умирающий монарх.

Однажды король спросил 15-летнего мальчика, помощника булочника, сколько тот зарабатывает. Мальчик быстро нашелся с ответом. «Столько же, сколько и мой король», – ответил он. «Тогда сколько же зарабатывает король?» – поинтересовался Людовик XI, с интересом ожидая, каким образом мальчику удастся выбраться из расставленной ловушки. Но помощник булочника, ничуть не смутившись, произнес: «Мне, как и королю, хватает на расходы».

[21] Оливье Ле Дэн или Оливье-цирюльник (настоящее имя Оливье Неккер, Людовик XI дал своему верному слуге имя Ле Дэн – Красавчик) (1428–1484) – по прозвищу Дьявол или Злой, был одним из доверенейших слуг короля, от которого получил земли близ Мелана (не путать с итальянским городом Миланом) и титул графа этого города. Оливье был назначен комендантом замка Лош, главной королевской тюрьмы. Сразу после смерти Людовика XI Оливье был арестован, обвинен во всех грехах, предан суду и публично повешен.

[22] Тристан Эрмит (? – ок. 1477) – начальник королевской полиции, Великий Прево.

Жак Куатье

Когда же король решал созвать на ужин гостей, те начинали не на шутку беспокоиться: а вдруг званый обед является приманкой? Даже независимые сеньоры считали, что самым разумным будет держаться как можно дальше от Плесси. Пожалуй, единственным человеком, который не боялся свободно разговаривать с умирающим королем, был его личный врач Жак Куатье (1430–1506). Ему Людовик XI доверял практически безгранично и даже назна-

чил его вице-президентом счетной палаты, при этом не обремененным выполнением обязанностей, присущих данной должности. Только Жак Куатье мог распорядиться, что можно подать на стол королю, а что нельзя.

Для Людовика XI блюда готовил Жак Пастурель. До настоящего времени сохранился список блюд, обычно подаваемых к королевскому столу в Плесси, причем для современного человека подобный рацион нисколько не напоминает столь любимые им принципы диетического питания. Так, среди прочих блюд имеется суп с клецками, которые готовились в остром соусе или варились в молоке. Людовик XI любил также суп с гранатами; белую колбасу, для изготовления которой требовалось мясо каплуна; рябчиков и куропаток; мясо ежей и аистов; панты молодых оленей в лимонном соусе. Когда гости были уже сыты и им оставалось только развлекаться приятным разговором, сидя за столом, слуги подавали изюм в листьях инжира. Это лакомство напоминает современные вафельные трубочки. Кроме того, во время обеда вино употреблялось в немыслимых количествах. Приправленное пряностями или ароматными травами, оно доставлялось из Бордо и Бона, Орлеана и Экса.

С излишками жира помогала бороться только охота. Филипп де Коммин[23] вспоминает в своих «Мемуарах» о королевской страсти к охоте: «Вставал он (Людовик XI) рано утром, весь день, в любую погоду преследовал оленей и иногда забирался в самую глушь. А потому обычно возвращался усталым и почти всегда на кого-нибудь разгневанным: ведь это такое занятие, при котором не всегда добиваются желаемого. Бывало, его охота длилась несколько дней, и он останавливался передохнуть в деревнях, если тому не мешали известия об очередной войне».

[23] Филипп де Коммин (1447–1511) – видный дипломат и доверенный советник герцога Бургундского Карла Смелого, впоследствии состоял на службе у Людовика XI. Принимал участие в важнейших переговорах, а также в войнах и дворцовых интригах. Его воспоминания – один из лучших мировых образцов жанра мемуаристики.

Филипп де Коммин

Это свидетельство подтверждает и сохранившееся до настоящего времени письмо Людовика XI: «Меня предупредили из Нормандии, что армия англичан распущена на этот год, поэтому я отворачиваюсь от них и, чтобы не потерять сезон, собираюсь охотиться на кабанов и убивать их в ожидании другого сезона, когда надо будет охотиться на англичан и убивать уже их».

Чем меньше король интересовался окружающими его людьми, тем больший интерес вызывали у него животные, в том числе и экзотические. Здесь он просто не считал денег, и его гонцы мчались в Испанию за крохотными собачками-левретками, в Бретань за знаменитыми борзыми, в Неаполь за лошадьми. Дикие животные также в огромных количе-

ствах собирались в зверинцах Плесси. Это были шакалы из Берберии, лоси и северные олени из Швеции и Дании.

Зная пристрастие Людовика XI к охоте, английский король присылал ему в подарок разнообразные охотничьи атрибуты – рожки, кожаные бутылки, которыми пользовались обычно во время привалов. Король лично вывел специальную породу собак. Эти животные предназначались исключительно для охоты на оленей. Родоначальником породы стал пес по кличке Суйар, его подарил королю бедный дворянин, имя которого история не сохранила. После того как новая порода была успешно выведена, король потерял интерес к Суйару, и сенешаль Людовика XI обратился с просьбой подарить ему собаку, поскольку он мечтает преподнести его «самой умной даме королевства». Король немедленно отреагировал на эту фразу, живо поинтересовавшись, кого именно сенешаль имеет в виду. «Ваша дочь, Анна де Боже», – ответил льстивый придворный, однако король в ответ отозвался очень резко и категорично: «Умных женщин вообще не бывает, а Анна де Боже – в лучшем случае наименее глупая из них».

О том, как жили в Плесси королевские охотничьи собаки, рассказывает «Книга об охоте великого сенешаля Нормандии и рассказы о славном псе Суйаре, который принадлежал королю Франции по имени Людовик XI». Автор сообщает, что любимые борзые короля имели дорогие ошейники из ломбардской кожи, украшенные золотыми клепками. Эти ошейники со стороны казались настоящими драгоценными колье. Ежедневно лапы собак слуги обмывали в теплом вине, а еду готовили специально приставленные для этой цели аптекари, как бы сейчас сказали, ветеринары. В церквях возносились молитвы святому Губерту о здоровье королевских любимцев. Кроме того, книга рассказывает о самой любимой собаке Людовика XI по имени Мистоден, которая щеголяла в платье.

Зная о пристрастии Людовика XI к собакам, со всей Европы в Плесси князья и сеньоры присылали лучших собак, чтобы только снискать благосклонность монарха.

Когда король из-за усиливающейся болезни больше не мог охотиться, это стало для него настоящим горем, и он, вынужденный находиться за крепкими стенами Плесси, постоянно выдумывал замену своему излюбленному занятию. Например, он пускал по комнате крыс, а за ними гонялись специально обученные собаки, которые подчинялись голосу своего хозяина и знали каждый его жест. Король представлял, что снова мчится по лесам, преследуя оленей, и только в эти минуты бывал по-настоящему счастлив.

Однако сколько бы король ни развлекался и как бы он ни пытался забыться, он не мог не думать о приближающейся смерти. Людовик XI стал невероятно набожен, почти до суеверия, и сотни тысяч франков тратил на обеты и жертвования на церкви. Специально из Рима он выписал священные реликвии, среди которых, в частности, находилось кольцо епископа Ценобиуса, якобы обладавшее чудодейственной силой. Это кольцо носил Лоренцо Великолепный[24], чтобы защититься с его помощью от проказы. Дело в том, что умирающий король всерьез думал, что страдает этой ужасной болезнью. С кольцом Ценобиуса он не расставался ни на минуту.

Вообще проказа стала очередной манией короля. Он отправил своего посланца на острова Зеленого Мыса, поскольку путешественники рассказывали, будто только там можно найти огромных черепах, кровь которых способна излечить от этой болезни. Третьей реликвией, призванной бороться с болезнью монарха, стал сосуд со святым миром, который специально для него прислали из Реймса. Так все эти священные вещи и находились рядом с Людовиком XI вплоть до его кончины.

---

[24] Лоренцо Медичи по прозванию Великолепный (1449–1492) – этот правитель Флоренции никогда не носил никаких титулов, уважая республиканское устройство своего города. На период его правления пришелся расцвет флорентийского Ренессанса.

Помимо этого, король приказал доставить в Плесси человека, известного своей праведной жизнью, Франциска Паолийского из Калабрии. Когда этот отшельник вместе с тремя своими учениками прибыл в Плесси, король упал перед ним на колени, униженно умоляя «просить Бога за него, чтобы Господь соизволил продлить ему жизнь». Специально для Франциска Паолийского[25] рядом с капеллой Святого Матфея был устроен скит. По свидетельству современников, король угождал отшельнику так, как если бы это был сам папа. Он писал министру финансов: «Прошу вас отправить мне лимоны, сладкие апельсины и пастернак для святого человека».

Старец находился рядом с умирающим королем до последней минуты его жизни, да и после его смерти остался в Плесси, тем более что его заслуги перед Богом признавал и сын Людовика XI, Карл VIII. Карл VIII велел выстроить для Франциска Паолийского церковь во дворе замка, и впоследствии эта церковь стала первой из принадлежавших ордену францисканцев. А святой старец скончался в 1507 году, в 90-летнем возрасте, и папа Лев X (1475–1521 гг., в миру Джованни Медичи; папа римский с 1513 г.) велел причислить его к лику святых.

[25] Франциск Паолийский (1416–1507 гг., канонизирован в 1519 г.). Родом из итальянского города Паола в Калабрии. В 1436 г. поселился отшельником в приморской пещере неподалеку от своего родного города. Постепенно вокруг него собралась община, из которой вырос монашеский орден минимов – «самые маленькие братья». В 1481 г. папа римский отправил Франциска лечить Людовика XI. Монах остался жить во Франции навсегда.

Надгробие короля Людовика XI в Нотр-Дам-Клери

Людовик XI в последние дни жизни смотрел только на святые реликвии и слушал, как поют птицы в зеленых лугах Луары. Он отдал распоряжения по поводу собственных похорон, назвал местом своего последнего упокоения Нотр-Дам в Клери. Немецкие мастера изготовили для надгробия статую короля из позолоченной меди. Эта статуя выше человеческого роста с изумительными вставками из голубой и бордовой эмали обошлась государ-

ственной казне в тысячу экю. Король изображен стоящим на коленях перед Богоматерью. Он облачен в охотничий костюм, со шпагой на боку, с орденом Святого Михаила на шее, и его длинные черные волосы ниспадают до самых плеч. Рядом с королем расположилась его любимая борзая в ошейнике, отделанном золотом.

Через три месяца после кончины короля умерла и его супруга, Шарлотта Савойская. Ее похоронили рядом с мужем.

Карл VIII. «Обители Добродетелей»

Что же касается Амбуаза, то он стал широко известным при Карле VIII. Здесь происходил настоящий вихрь праздников, здесь Карл был коронован, однако его лучезарное времяпрепровождение было нарушено Безумной войной (1485–1488). Это была целая серия мятежей крупных французских феодалов, возглавляемых герцогом Орлеанским, вступившим в заговор против сестры-регентши при малолетнем Карле VIII – Анны де Боже. Женщина хитрая и одаренная проницательным умом, Анна в течение нескольких лет была настоящей французской королевой. К заговорщикам вскоре присоединился герцог Бретани Франциск II (1433–1488), и судьба государства, раздираемого распрями, снова оказалась на волоске.

Король Карл VIII

Замок Ланже

В июле 1488 года мятежники были разбиты у Сент-Обендю-Кормье. Герцог Орлеанский попал в плен и в 1488–1491 годах находился в заключении в Бурже.

Франциск Бретонский должен был заключить с Карлом очень тяжелый договор. Через несколько дней после этого он умер, оставив наследницей двенадцатилетнюю дочь Анну Бретонскую (1477–1514). В 1491 году регентша выдала девочку замуж за Карла VIII и таким образом присоединила Бретань к Франции.

Заключение бретонского брака состоялось в замке Ланже, куда король прибыл из Плесси. Пятнадцатилетняя принцесса, миловидная брюнетка, худенькая, маленькая и хромоногая, уже ждала жениха. Тот также не отличался высоким ростом и не блистал красотой. Его портил большой орлиный нос и толстые губы, однако глаза были столь живы и проницательны, а сам он так и светился оптимизмом и доброжелательностью, что не было человека, который не поддался бы его неотразимому обаянию.

После торжественной церемонии последовал роскошный праздник и, несмотря на долгую изматывающую войну с Францией, Бретань не поскупилась на подарки. Сама молодая королева была облачена в золотое парчовое платье, украшенное мехом выдры. В качестве приданого она привезла две кровати, представляющие собой шедевр мебельного искусства. Одна кровать была отделана дамастом фиолетового, белого и черного цветов с подкладкой из красной тафты на балдахине; вторая поражала золотыми занавесями и фиолетовой, с золотым шитьем и черной бахромой обивкой.

Музей восковых фигур в Ланже. Бракосочетание Карла VIII и Анны Бретонской

Карл украсил замок великолепными коврами из Турции и Фландрии, обставил его мебелью, привез множество золотой и серебряной посуды, дорогих тканей. Он сделал все от него зависящее, чтобы новобрачная в свой медовый месяц купалась в роскоши, несмотря на то, что по сути данный брак был явлением чисто политическим.

После заключения бретонского брака Карл VIII начал осуществление своей давней мечты: выстроить резиденцию так, как ему видится идеальный замок.

И он вновь обратился к Амбуазу, который всегда любил и где прошло его детство. Однако теперь Карлу было с чем сравнивать Амбуаз – типичное средневековое строение с пятиугольным донжоном, площадь которого занимала всю западную оконечность плоско-

горья. После Плесси с его просторными галереями и изяществом, служившим олицетворением роскоши, становилось понятно: Амбуаз нуждается в срочной переделке.

Карл решил расширять Амбуаз на восток. В 1489 году здесь было расчищено место для стройплощадки. Все мешающее строительству сбрасывалось вниз, а жителям города приходилось подбирать строительный мусор. Через пять лет здание обрело два новых крыла, одно из которых было обращено на север, фасадом к Луаре, а второе, возвышающееся над долиной Амасса, – на юг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.